

Смешной детектив

**Елена
Логунова**

Не плачь, Рапунцель!

Елена Ивановна Логунова
Не плачь, Рапунцель!
Серия «Смешные детективы
(Новое оформление)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69333559

Не плачь, Рапунцель!:
ISBN 978-5-04-188584-7

Аннотация

Писательница Елена с мужем и сыном въезжает в новую квартиру, расположенную в пригороде Петербурга. Вокруг все делают ремонт, создавая много шума и мешая творить, но это сущая ерунда по сравнению с долгожданным новосельем! Однако счастье оказывается омрачено визитом участкового. Он интересуется Смурновыми – хозяевами квартиры, которую Лена с семьей снимала до переезда. У них возник конфликт, а недавно Смурновых обнаружили убитыми! Их тела нашел новый жилец Вадик Архипов, который тоже оказался под подозрением. А когда к Лене приехала ее закадычная подруга Ирка, они втроем с энтузиазмом взялись за собственное расследование!

Елена Логунова умеет многое: играть на рояле, рисовать акварели, плести кружева. Но ничего этого она не делает, иначе ей просто некогда было бы придумывать смешные детективы! О

новых похождениях Лены и Ирки в Петербурге читайте в романе «Не плачь, Рапунцель!».

Содержание

Пролог	6
Глава первая	13
Глава вторая	33
Глава третья	63
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Елена Ивановна Логунова

Не плачь, Рапунцель!

© Логунова Е.И., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Дежурный утренний поиск смысла жизни под душем увенчался успехом. Из ванной Архипов вышел бодрым маршевым шагом с речовкой: «У верблюда два горба, потому что жизнь – борьба!»

У зеркальной дверцы шкафа он остановился, сбросил с плеч махровый халат и оглядел себя, предварительно втянув живот. Качнулся к отражению, похлопал ладонями по распаренному лицу и провозгласил:

– Дерзайте, граф, вас ждут великие дела!

Первым в списке предстоящих великих дел значился поход на завтрак, который заканчивался – Архипов шагнул к прикроватной тумбочке, взял мобильник и посмотрел время – через полчаса!

Пропускать первый прием пищи, равно как и все последующие, Архипов не собирался, не было у него такой дурной привычки. Поэтому он быстро оделся, вышел из номера и, бдительно проверив, заперлась ли захлопнутая дверь, отправился искать место приема пищи.

Ресторан, который в отеле имелся, как было написано на сайте, коварно не выдавал свое присутствие аппетитными запахами, а указателей к нему или персонала, способного направить голодного постояльца на верный путь, Архипов не встретил. Это заставило его пробормотать:

– Меня терзают смутные сомнения...

Архипов любил использовать в речи расхожие фразы, крылатые выражения, цитаты из книг и кинофильмов, а также интернет-мемы. Это позволяло ему производить впечатление человека начитанного, наслышанного, посмотренного – короче говоря, владеющего культурным кодом.

Производить такое впечатление Архипову нравилось. Это позволяло ему не теряться на фоне умников, владеющих кодами компьютерными.

Архипов трудился офис-менеджером – считай, завхозом – в компании, разрабатывающей программные продукты.

Собственно, именно работа и привела его в Санкт-Петербург, где Архипову надлежало принять партию офисной мебели, изготовленной по спецзаказу на одном из предприятий Ленобласти.

Мебель была спроектирована специально для капризных компьютерных умников, которые желали иметь возможность трудиться не только сидя, но также стоя и даже лежа. А никто лучше Архипова не смог бы проверить соответствие согласованным чертежам мягких кресел-трансформеров и консолей с изменяемым уклоном столешницы и кабель-каналами в телескопических опорах.

Архипов не имел инженерного образования, но обладал прекрасной памятью и совершенно исключительными дошностью и въедливостью.

В быту эти его качества были скорее вредны – с личной

жизнью никак не ладилось, – но на трудовом фронте неизменно приносили победы.

К сожалению, отель он выбирал без привычной придирчивости – под давлением обстоятельств. С обычной своей тщательностью Архипов подошел к вопросу аренды квартиры, в которой собирался остановиться на время командировки.

Жилье ему требовалось не люксовое, но со всеми удобствами и оптимальным соотношением цены и качества. Особые же требования Архипов предъявлял к локации: квартира должна была располагаться в месте, откуда жильцу было бы одинаково удобно добираться как на мебельную фабрику за КАД, так и в центр Санкт-Петербурга.

Архипов намеревался поддержать свой имидж человека культурного походами в прославленные музеи и театры.

Тщательный анализ и вдумчивая оценка вариантов, представленных на специализированных сайтах, позволили Архипову сделать достойный выбор.

Он арендовал просторную однокомнатную квартиру в Мурине. Сразу за КАД, то есть фактически уже в области, но рядом с очень удобной станцией метрополитена. С нее в Санкт-Петербург отправлялись поезда метро, а в Ленинградскую область – электрички.

К сожалению, человек предполагает, а бог располагает. Высшие силы легко поломали стройный план Архипова, задержав его рейс в Санкт-Петербург на несколько часов.

В итоге в аэропорту Пулково он оказался уже глубокой

ночью и добраться до съемной квартиры бюджетным транспортом никак не мог. А такси до прекрасного Мурина обошлось бы в такую сумму, что – Архипов быстро подсчитал – гораздо дешевле было переночевать в ближайшем отеле. Заодно и позавтракать там – тоже экономия.

Высшие силы сменили гнев на милость: ресторан в сомнительном отеле Архипов все же обнаружил и смог там поесть – не изысканно, но достаточно вкусно и плотно. За кофе с булочкой он снова заглянул на сайт аренды жилья, чтобы проверить, не упустил ли какую-нибудь важную деталь, и получил полезную, но слишком поздно поступившую информацию.

Под объявлением о сдаче квартиры, которую он арендовал на ближайшую пару недель, появился очень, очень негативный отзыв предыдущих жильцов. Ознакомившись с ним, Архипов задумался.

Менять локацию было поздно. Во-первых, не имелось времени на новый добросовестный поиск, во-вторых, хозяева квартиры уже получили задаток. В том, что его не вернут, Архипов не сомневался: еще до вылета, узнав, что рейс сильно задерживается, он связался с хозяевами квартиры и просил сдвинуть на сутки дату заселения, соответственно уменьшив стоимость аренды. Ему отказали, причем таким тоном, что Архипов понял: это ребята цепкие, из их когтистых лапок кусочек не вырвешь. Оставалось только учесть все моменты, на которые указал автор настораживающего

отзыва, и не дать себя облапошить.

Предыдущему жильцу хозяева квартиры не вернули залог, придравшись к какому-то ерундовому беспорядку.

– Врешь, не возьмешь! – изрек Архипов. И добавил: – У нас все ходы записаны!

Он даже ощутил некое воодушевление, предвкушая своеобразный поединок – соревнование по придирчивости и въедливости, которое твердо намеревался выиграть.

Залогом победы стал состоявшийся сразу после завтрака телефонный разговор. Архипов позвонил хозяйке квартиры и выпытал у нее информацию, которой цепкая дамочка до последнего не желала делиться: номер квартиры. Он также смог договориться о более раннем заселении – не в четырнадцать часов, а в двенадцать.

К нужному дому в Мурине Архипов прибыл в 11:30. Шел мелкий противный дождь, переходящий в снег, стоять во дворе и мокнуть, дожидаясь назначенного времени, не хотелось. По номеру квартиры он легко вычислил подъезд, дождался, пока из него вышла какая-то тетка, ознакомился с поэтажным планом помещений и поднялся на лифте к той квартире, которая должна была стать его жилищем на предстоящие две недели. Там надавил на кнопочку звонка, раз, другой и третий прослушал визгливую трель, появления хозяев не дождался и машинально подергал ручку двери.

Оказалось – не заперто!

– Тук-тук, можно? – Архипов шагнул в прихожую, осмот-

релся, увидел на вешалке пару зимних курток, на коврике – мужские ботинки и женские сапожки и повысил голос: – Люди добрые? Ау?

Условно добрые люди не ответили. Куда-то отлучились? Возможно, отправились встречать квартиранта у подъезда.

Испытав мстительную радость от мысли, что стоять и мокнуть под дождем пришлось не ему, а хозяевам, которых он уже мысленно воспринимал как противную сторону в моральном поединке, Архипов занес в прихожую чемодан, аккуратно разулся и отправился без помех осматривать квартиру.

При этом он не просто глазел, а фотографировал камерой мобильного телефона все помещения, фиксируя текущее состояние интерьера и мебели.

Уж его-то никто не сможет обвинить в причинении хозяевам какого-либо имущественного ущерба! Уж он-то сам заранее все проверит и обезопасит себя от надуманных претензий!

Прихожая, комната, санузел, кухня. До балкона Архипов добрался в последнюю очередь.

Еще не выйдя на него, сквозь стекло двери из кухни он увидел, что окно на балконе открыто настежь – и это в дождь, уверенно переходящий в мокрый снег!

Укоризненно покачав головой, он потянул на себя дверь, но на балкон не вышел – не смог, потому что почти все пространство на полу занимали два объемных длинных свертка.

Сначала Архипов решил, что это ковры или рулоны линолеума: зрение у него было неидеальное. Наклонившись, он ковырнул пальцем скользкую прозрачную пленку.

И под ее наслоениями, как сквозь толщу мутного льда, разглядел мертвое лицо с выпученными слепыми глазами.

Глава первая

– Вzzzz-жжж-р-ру-рру-рруууу! – Дрель за стеной яростно взвыла, распелась и выдала тирольскую руладу минут на пять.

Я, приподняв брови, прослушала этот оригинальный музыкальный номер и покосилась на Коляна.

Муж абсолютно невозмутимо стучал по клавиатуре в темпе, заданном соседской дрелью.

– Тебя это совершенно не бесит? – спросила я без укора и даже без прискорбия.

Ну что поделаешь? Дом сдан совсем недавно, счастливые владельцы квартир спешат закончить ремонт. Мы удивительным образом оказались в лидерах этой гонки, уложившись со всеми работами в полтора месяца. Быстрее не получилось, а дольше тянуть было нельзя: съемная квартира, на которой мы обитали в период ремонта, обходилась нам слишком дорого.

– Я воспринимаю эти звуки как музыкальное сопровождение, – важно ответствовал супруг и взял очередной аккорд на своем макбуке.

К дрели за стеной слева прибавился стук молотка справа и визг пилы сверху.

– Полифоническое произведение! – нарочито восхитился супруг. – Сложная композиция, не каждый поймет. Но у тебя

же есть музыкальное образование, попробуй проникнуться, в этом есть своя прелесть.

Я покорно закрыла глаза, вслушиваясь в сочетание визга, стука и жужжания с гудением.

Яркой мажорной нотой в квартире снизу прозвучало громкое «бум» от падения чего-то тяжелого, а через секунду за стеной, где ритмично стучал молоток, раздался короткий матерный вопль.

– Контрапункт, – сказала я злорадно. – Исполнитель партии молотка виртуозно попал себе по пальцу.

– Плохому исполнителю и пальцы мешают, – согласился мой главный музыкальный критик.

Тем времени соло на дрели уверенно охватило четыре октавы, ввинтилось в ультразвук – и вдруг наступила благословенная тишина.

– Неужели антракт? – Я недоверчиво взглянула на мужа.

– Не стоит надеяться. Боюсь, в оркестре как раз пополнение. – Он кивнул на дверь, от которой доносилась настойчивая, но негромкая и потому совершенно потерявшаяся в ремонтной симфонии трель звонка.

– Еще кто-то к нам на прослушивание? – неприятно удивилась я.

Квартет ударно-сверлильных инструментов запросто могли усилить трубы, водопроводные или канализационные – на выбор. Их крепость и нерушимость еще не были проверены временем, так что мы немного опасались прорыва. Не хоте-

лось, чтобы на заре нашей жизни в новом доме, когда еще не оформлена страховка на квартиру, кто-нибудь затопил нас – или кого-нибудь залили мы.

Я открыла дверь и обнаружила за ней незнакомца славянской наружности. Это было само по себе необычно: в новых родных стенах нас пока что окружали преимущественно лица узбекской национальности. Как в многоэтажном кишлаке.

– Чайковский, – одарив меня холодным взглядом голубых глаз, сказал незнакомец.

Это сбило меня с толку, вернув к теме музыки в жизни новоселов.

Мы что же, недооценили исполненную симфонию? Не узнали в экспрессивном запиле дрели и размеренном стакато молотка произведение бессмертного классика?

– Валерий Петрович, – договорил тем временем неожиданный визитер. – Участковый уполномоченный...

– Уже намоченный? – не расслышав, встревожился муж в комнате.

Говорю же, мы очень боимся протечек.

– Участковый! Уполномоченный! – повысила голос я.

– Кто упал?

– А вы Елена Ивановна Логунова? – не стал дожидаться, пока я просвещу тугоухого супруга, тетка великого русского композитора.

Я кивнула и подвинулась в сторону, чтобы Чайковский мог войти.

Не дело это – слушать Чайковского в прихожей. Неуважительно как-то.

Валерий Петрович в два шага – в нашей прихожей не разгуляешься, чай, не концертный зал! – подобрался к комнате и заглянул в нее с новым вопросом:

– А вы, я полагаю, Николай Александрович?

– Не полагайте, будьте уверены! – Муж отложил макбук, встал с дивана, вышел к нам с не-композитором Чайковским и вопросительно посмотрел на меня.

– Опер Чайковский, – представила я незваного гостя.

– «Лебединое озеро», – без задержки ответил супруг.

– Не опера, а опер, – отчетливо проартикулировала я. –

И мы не играем в ассоциации. У нас тут дело серьезное, да, Валерий Петрович?

– Может, вы даже знаете, какое именно? – подозрительно прищурился участковый.

– Нет, но мне интересно, – не стала скрывать я. – Кто-нибудь выбросил в пухто что-то запрещенное?

– Что еще за пихто? – Приятное славянское лицо гостя делалось все более угрюмым.

Что-то не рад он нашей встрече, ой, не рад!

– Пихто – это легендарный дед, персонаж фольклора, – не поленилась объяснить я. – А у нас тут пухто. Это такое огромное железное корыто, в которое положено бросать строительный мусор. Кто кинет мимо – с того штраф. Управ-ка бдит.

– А управка – это управляющая компания, – вставил слово Колян. – Страшный зверь из фольклора новоселов.

Мы замолчали, взирая на незваного гостя с простодушным и искренним интересом. Мол, твой выход, Чайковский. Давай, исполняй уже!

– Так. – Валерий Петрович прочесал пятерней свой русый ежик и моргнул. Трижды. Как-то нервно. Синкопически, сказал бы его тезка композитор. – Начнем сначала. Где мы можем побеседовать?

– Пройдемте! – Я с готовностью распахнула дверь в кухню.

– «Пройдемте» – это его реплика! – тут же громким шепотом укорил меня Колян.

– С чего это? – возмутилась я. – Что мы такого сделали?

– Вот и мне интересно! – Муж с намеком уставился на меня, но я выдержала его инквизиторский взгляд, не моргнув. Чайковский кашлянул.

– Чаю? – спохватилась я, оживая.

– Спасибо, нет. – Участковый проследовал в кухню и опустился на предложенную ему табуретку.

Мы с Коляном заняли два других посадочных места.

У нас пока всего три табуретки – по числу членов семьи.

Маленькая у нас семья. И доходы так себе. А расходы с этим ремонтом и новосельем ого-го какие!

– Итак, Елена Ивановна и Николай Александрович, я хотел бы узнать, где вы были вчера утром.

– Точнее, – потребовала я.

Чайковский поморщился.

– Не можете точнее, – догадалась я. – Вот интересно, почему?

– Меня терзают смутные сомнения, – мрачно протянул Колян и снова инквизиторски посмотрел на меня, а потом на гостя. – Вопрос, где мы были, – это ведь фактически проверка алиби, а невозможность назвать точное время позволяет предположить, что судмедэксперт затрудняется с определением времени чьей-то смерти... Нас в чем-то подозревают?

– Может, и об этом сами догадаетесь? – снова прищурился Чайковский.

– При чем тут догадки? Чистая логика. – Я погрозила ему пальцем. – Валерий Петрович, давайте начистоту. Вы с чем пришли к нам? Что случилось?

– Случилось то, что супруги Смурновы найдены убитыми, – выдал Чайковский и воззрился на меня в ожидании какой-то реакции.

– А кто это? – спросила я, помолчав и подумав. – Смурновы-то? – Я поглядела на мужа.

Он пожал плечами.

– Александра и Кирилл, – подсказал опер и снова впился в меня орлиным взглядом.

Я покачала головой:

– Вот ни о чем не говорит.

– Вы издеваетесь?! – Участковый хлопнул ладонью по сто-

лу. – Вы жили у этих людей полтора месяца! Там вся квартира в ваших пальчиках! Потом вы с ними поскандалили, написали негативный отзыв на сайте – и все это вам ни о чем не говорит?!

– Что? Вы серьезно? Крысят убили? – Колян округлил глаза. – Вот это скорость!

– Какая еще скорость? – не понял Валерий Петрович.

– Я знал: их настигнет карма. Но что это случится так быстро... – Муж покачал головой.

– Сейчас объясню. – Я влезла в паузу.

– Объясняйте, – разрешил участковый и приготовился слушать.

Квартиру мы арендовали за две недели до выезда в Питер. Искали достаточно просторное жилье, в котором сможем в меру комфортно поместиться втроем, неподалеку от нашего нового дома. Ну чтобы присматривать за ремонтом и организовывать доставку того-сего.

Помимо посуточной оплаты за полтора месяца – увы, без всякой скидки! – хозяйка взяла с нас залог и заставила подписать договор с приложением, в котором были перечислено все имущество, вплоть до чайных ложечек.

Уже на этой стадии нам следовало насторожиться: все предметы в длинном списке сопровождались ремаркой «состояние отличное», хотя сковородка, например, из-за множественных вмятин на конфорке не стояла, а плясала, а

с ветхих хлопчатобумажных полотенец снежными хлопьями осыпались катышки. Но мы не стали придираться и подмахнули договор – а куда было деваться, не оставаться же на улице дождливой осенью? Быстро отыскать в чужом городе другое жилье с подходящими параметрами не получилось бы.

С квартирой мы не промахнулись – сама по себе она была хороша, с толковой планировкой и просторными помещениями. Но ей явно не повезло с хозяевами. Люди в высшей степени экономные, если не сказать – скаредные, они и ремонт сделали самый дешевый, и мебель поставили старую, скрипучую, обшарпанную, надеюсь, хотя бы не на помойках подобранную. Ладно, решили мы, перекантуемся. За номер в отеле вдвое больше платили бы.

В квартире не оказалось никаких чистящих-моющих средств, туалетной бумаги на полтора месяца нам оставили один рулон, шампуня и геля для душа – на доньшке пыльных флаконов, но все эти мелочи мы, конечно, не затруднились купить. Проблема возникла с постельным бельем – его нам выдали по одному ветхому комплекту на спальное место, пришлось особо просить хозяйку расщедриться на второй набор, а потом самостоятельно стирать пододеяльники, простыни и наволочки, благо машинка, хоть и маленькая, в квартире имелась. А разномастные просторные полотнища, развешенные на просушку по всей квартире, по-своему даже украшали сиротский интерьер...

По-настоящему серьезным неудобством стал постоянный

ночной шум за стеной. Хозяйка не предупредила нас, что в соседней квартире устроен то ли бордель, то ли общежитие гастарбайтеров. Когда, устав от ночных концертов, мы пожаловались ей на неугомонных соседей, она отрезала: знать ничего не знаю, делайте что хотите.

Я лично в пятом часу утра после бессонной ночи хотела бы всех участников этого клуба по интимным интересам жестоко убить, но муж – гуманист – сумел обойтись дипломатическим визитом. Он упаковал свое мускулистое тело ростом два метра, весом сто килограммов, в черный спортивный костюм, накинул на голову капюшон, взял в руку погрызенную мышами, но еще крепкую деревянную скалку и, постукивая ею по ладони, пошел искать консенсус... Нашел, однако. Правда, дипломатический визит пришлось повторять каждые выходные, поскольку представители второй договаривающейся стороны за стеной постоянно менялись.

За шесть недель в этой чудо-квартире мы заплатили пятьдесят тысяч. А когда съезжали, стали участниками отвратительного скандала.

Хозяйка пришла вместе с мужем, и они вдвоем провели детальную инвентаризацию, проверяя, не умыкнули ли мы что-нибудь из их добра. Недостачи не обнаружили, зато нашли, что газовая плита не сверкает – надо чистить, и коврик на полу в ванной нуждается в стирке, на основании чего отказались возвращать нам залог.

Эта последняя соломинка сломала спину верблюда! Мы

с Коляном психанули, что вообще-то с нами крайне нечасто бывает, а хозяйка с супругом уже пришли в настроении поскандалить. Не хочу вспоминать, как это было, но вряд ли скоро забуду, как мы орали друг на друга, сражаясь за эти несчастные пять тысяч залога...

– И три тысячи из тех пяти вы все-таки отвоевали обратно, – кивнул, выслушав меня, участковый Чайковский. – Я читал ваш подробный отзыв на Авито.

– Целых две тысячи отдали крысятам за пыльный коврик и не начищенную до блеска плиту, – снова расстроился Колян.

– Не огорчайся, им это не пошло на пользу. – Я погладила его по руке. – Ты не забыл? Их уже убили. – Тут я посмотрела на опера и заверила его: – Не мы!

– А, кстати, как их убили? – спросил Колян.

Я понадеялась, что не погрызенной мышами скалкой. В свете того, что я упомянула этот предмет как проверенный инструмент эффективной дипломатии, подозрение в наш адрес могло укрепиться.

– Им вкололи препарат, вызывающий временный паралич, и еще живыми полностью замотали в стрейч-пленку. А потом положили рядком, как два бревна, на балконе, где было открыто окно и стояла минусовая температура.

– И они замерзли, – содрогнулась я.

– Сначала задохнулись, – буднично поправил участковый

и встал. – Ну, теперь, когда я точно знаю, где вас искать, ждите повестку, будем еще беседовать.

– Да, кстати! – встрепенулась я. – А как вы нас нашли? Мы же тут еще не прописаны.

– А вы в соцсетях фотографии разместили – всего жилого комплекса, своего дома, вида из вашей квартиры. – Чайковский кивнул на окно, вид за которым здорово портило пресловутое пухто, топорщащееся обломками плитусов и досок, и впервые за время нашей беседы улыбнулся. – По фото мы вас и нашли.

– Вzzz-жжж-rrру-rrру-rrру! – взвыла дрель за стеной.

Чайковский поморщился и потер челюсть, как будто у него заболел зуб.

Я хотела посоветовать ему относиться к этому, как к музыке, но не успела. Трель оборвалась, и снова стало слышно, как заливается звонок.

Еще кого-то принесло? Прямо день открытых дверей!

Интересуясь, кто это к нам пожаловал, я прошла в прихожую, распахнула дверь – и тут же отскочила от нее, пропуская внутрь гигантский тюк, за которым не было видно носильщика.

Зато его, вернее ее, было прекрасно слышно.

– А вот и я! Сюрпри-и-из! – радостно объявил знакомый голос.

Тюк мягко бухнулся на пол, и на его место в раскрытые объятия была притянута я.

– С новосельем! – Лучшая подруга звонко расцеловала меня в обе щеки, выпустила, поплыла к Коляну, облобызала и его тоже, по инерции переместилась к третьему участнику сцены «Те же и Ирка», но вовремя остановилась. – Ой, а вы кто?

– Участковый уполномоченный полиции Чайковский! – представился Валерий Петрович, осторожно пятясь.

– Опять?! – Ирка всплеснула руками и уставилась на меня. – Во что ты снова влезла? Без меня! Не могла чуть-чуть подождать!

– Вzzз-жжж-rrr! – весьма своевременно взвыла дрель, избавляя меня от необходимости отвечать на этот риторический вопрос.

Часом позже мы с подругой пили чай и смотрели в окно.

Сверкающие снежинки мельтешили в конусе света уличного фонаря, как мотыльки в золотой сетке.

Ирка разнеженно жмурилась: ей, прилетевшей в снежную круговерть из южной теплыни, питерская погода казалась зимней сказкой.

Я ее восторга не разделяла. Люблю Питер, но сумерки в четыре часа пополудни – не великая прелесть. Как и рассвет в десять утра. Ужасно короткий день получается, куцый, как овечий хвост. Ничего толком не успеть!

– Пам-пам-пам, пам-пам-пам, пам-пам-пам-пам-пам, – тихо мурлыкала подруга на мотив рождественской песенки

«Джангл беллз».

Я грустила. До меня наконец в полной мере дошло то, что поначалу восприняла чисто умозрительно: жестоко убиты два знакомых мне человека.

Да, наше общение не было приятным. Да, эти Смурновы не показались мне хорошими людьми. Да, я ни в коем разе не стала бы продолжать знакомство с ними, будь они живы. Но они погибли! И такой жуткой смертью, которой не заслуживают даже преступники. А эти двое – Александра и Кирилл – были всего лишь не очень честными и слишком жадными молодыми людьми.

Может, они даже не виноваты, что стали такими. Может, у них было трудное голодное детство. Или, наоборот, имелись на иждевении старенькие родственники, поэтому им так важно было отжать у благополучных постояльцев несчастные пять тысяч залога... Знать бы заранее, что так получится, я бы им эти злосчастные деньги подарила!

– О чем думаешь? – прервала мои покаянные мысль подруга.

Сама-то она явно думала о чем-то приятном, судя по ее «пам-пам-пам, пам-пам-пам, пам-пам-пам-пам-пам» на мотив рождественской песенки про звенящие колокольчики.

– О подарках, – уклончиво ответила я.

– Кстати! – Подруга встрепенулась. – У вас нет холодильника, это непорядок!

– У нас, как в лучших домах Парижа, Лондона и Фила-

дельфии, есть целая холодильная комната, – отговори­лась я. – Лоджия называется. Там полно места и оптимальная температура для хранения продуктов – плюс два – плюс пять, в зависимости от погоды за бортом.

– А летом вы что делать будете?

– А к лету мы заработаем на холодильник.

– А давай я прямо сейчас...

– А вот этого не надо! – оборвала я легко угадывающее предложение подарить нам холодильник на Новый год. – Ты знаешь, я против того, чтобы путать дружеские презенты с благотворительностью. Ты и так нам кучу добра привезла, я бы такие классные постельные комплекты и пледы сама не купила, обошлась бы чем-нибудь подешевле.

– Но холодильник...

– Гораздо менее нужен, чем постельное белье. Кстати, ты ночуешь у нас? – перевела я тему и только тут сообразила: – Стоп, а где твой чемодан?

– Чемоданы, – поправила меня подруга. – Они в твоей бывшей светелке.

– Ты остановилась у тети Иды? – догадалась я.

– Почти.

– Почти остановилась? Это как? – не поняла я.

– Почти у тети. На самом деле в тетиной квартире, но в отсутствие самой хозяйки. Ты разве не в курсе, что мадамы отправились на курорт?

Мадамы – это моя тетушка Ираида, очаровательная пре-

лестница восьмидесяти пяти лет, и ее закадычная подруга Марфинька, кокетка и красотка столь же не юного возраста. В преддверии холодов, которые в Питере сопровождаются не подвластным дворникам сугробами, гололедом и сосульками, ой, надо говорить – сосулями, мадамы отправились на зимовку в Пятигорск. На воды, как и положено благородным особам.

– А кот? – запоздало спохватилась я. – Вольку они с собой взяли?

Это тетушкин питомец, на редкость дюжий и мордастый кот, которого интеллигентная хозяйка окрестила просто и без затей: Владимир Владимирович. Волька – тезка Маяковского. Тетя Ида утверждает, что ее славный кот и знаменитый советский поэт похожи, как близнецы-братья. И еще можно поспорить, кто из них более матери-истории ценен.

– Вольку оставили, именно поэтому я остановилась в квартире твоей тети, – объяснила Ирка. – Составляю коту компанию, обеспечиваю ему душевный и физический комфорт. Иначе я поселилась бы поближе к вам – уверена, тут полно квартир, сдающихся в аренду.

– Квартир полно, – согласилась я. – А вот их хозяев недавно стало на пару меньше...

– А, так вот ты о чем кручинишься! Жалеешь убиенных? Или... – Подруга присмотрелась ко мне. – Боишься, что это преступление повесят на вас с Коляном?

– Думаешь, могут? – Я поежилась.

– А давай у специалиста проконсультируемся. – Ирка, не вставая с места, дотянулась до оставленной на подоконнике сумки, вытащила из нее смартфон и полезла в список контактов, пообещав еще: – На громкую выведу.

Я вжала голову в плечи – и правильно сделала.

– Что? Уже?! – громом разнесся по кухне сердитый голос полковника Лазарчука. – Иннокентьевна! Ты ж только утром к Ивановне полетела, что вы успели натворить?!

– Какой у тебя голос громкий, Сереженька! – притворно восхитилась Ирка. – Не хочешь тоже к нам в Питер прилететь? У Ленкиной тети есть знакомства в оперном театре, устроим тебе прослушивание в Мариинке!

– Чего? – Лазарчук опешил, сбился с тона, понизил голос, но подозрительности не утратил. – Ты не морочь мне голову, говори, зачем звонишь! Мы вчера только виделись...

– Дегустировали у нас новую настойку на кокосовых стружках и семенах чиа, Моржик сделал, пальчики оближешь, – быстрым шепотом просветила меня подруга.

– ...не ври, что ты успела соскучиться! – закончил полковник.

– Не буду врать, – пообещала Ирка и даже размашисто перекрестилась свободной от трубки рукой, хотя телефонный собеседник никак не мог этого видеть. – Всю правду тебе скажу, яхонтовый, как на духу! Прилетела я в Питер, приехала к Ленке, а тут беда, откуда не ждали...

– Ближе к делу! – потребовал Лазарчук. – Или, я боюсь

спросить, к телу?

– Провидец ты, Сереженька! – снова восхитилась Ирка. – Все верно, к телу, да не к одному – сразу к двум! Убиты муж и жена...

– Блин, Иннокентьевна, кончай загадки загадывать, пока я тут не поседел окончательно! Колян с Еленой целы?

– Пока да. Но могут пострадать. Я слышала, в КПЗ не лучшие условия для людей с тонкой душевной организацией.

– Дай мне! – Я вырвала у подруги трубку. – Але, Сереж, мы живы и в полном порядке. Просто на нас тут хотят повесить обвинение в убийстве людей, с которыми мы недавно повздорили.

– Как сильно повздорили? Не до мордобоя, надеюсь? До громких криков «Мы вас уьем!» не дошло?

– Ну мы немножко поорали друг на друга, сражаясь за пять тысяч рублей залога, – призналась я. – Но до угроз и рукоприкладства не опустились.

– Стоп, я, кажется, понял. Подписан на тебя в соцсетях. Убитые – скаредные хозяева арендной квартиры?

– Ты гений, Сереженька! Просто гений! – сунувшись к трубке, подхалимски ахнула Ирка и подмигнула мне.

– Обстоятельства дела?

– Мы толком не знаем, – посетовала я. – Со слов участкового, этих Смурновых укололи какой-то парализующей дрянью, замотали в стрейч-пленку и уложили на открытом балконе.

– Затеяливо, – буркнул полковник. – Убийца с фантазией, это плохо. Писательница детективов прекрасно подходит на роль такого преступника.

– Лазарчук! Ты что, не знаешь?! – возмутилась я. – Фантазий у меня, конечно, много, но я ее в преступных целях не использую, наоборот! Сколько раз уже помогала тебе и твоим коллегам!

– Питерским тоже захочешь помочь, понимаю. – Полковник сердито посопел, пробурчал что-то невнятное и, кажется, непечатное. – Ладно, мы своих не бросаем. Разузнаю, что к чему, и попытаюсь замолвить за вас словечко.

– Спасибо, ты настоящий друг!

– А настоящей подруге своей, Ирине свет Иннокентьевне, скажи, чтобы хоть она держалась подальше от этой мутной истории! – повысил голос полковник, несколько не смягченный комплиментами и благодарностями. – А то знаю я вас, сейчас ползете поперед бабки в пекло...

Ирка выразительной жестикуляцией дала понять, что разговор пора заканчивать. По существу дела все уже сказано, дальше будут только нотации и увещевания, а они нам не нужны.

– Еще раз спасибо, до связи! – быстро сказала я в трубку и нажала на красный кружочек, заканчивая разговор.

Хотела вернуть смартфон хозяйке, но Ирка закинула руки за голову и смотрела в потолок.

– И так... – Подруга мыслила вслух. – Моя машинка оста-

лась в Краснодаре, значит, нам понадобится транспорт.

Я поняла, что вопрос, быть или не быть очередном частному расследованию, на повестке дня не стоит. Соответствующее решение уже принято и обсуждению не подлежит.

– А как поживает наш юный друг – Фабержонок? – встрепенулась подруга.

Я было подумала, что она резко сменила тему, но Ирка продолжила:

– И, главное, где он поживает? В соседнем корпусе, если не ошибаюсь?

Я молча кивнула на высящуюся за окном громаду в двадцать два этажа.

– Если мне не изменяет память, совсем недавно наш мальчик купил машину? – Ирка встала с табуретки и влипла носом в стекло. – Какое из окон его?

– Розовенькое такое, смотри слева от второй парадной на шестнадцатом этаже.

– Розовенькое? – Ирка оглянулась на меня, поиграла бровями. – Я чего-то не знаю?

– У Бори появилась девушка, – кивнула я. – Очень милая на вид блондиночка с локонами. Вся такая зефирно-воздушная. Как зовут – не знаю, Боря нас еще не знакомил, но я видела их во дворе. Ходят, взявшись за руки.

– Какая прелесть! – умилилась подруга. И тут же снова построжала. – Любовь-морковь подождет, придется Боре сменить амплуа, долг дружбы платежом красен.

Юный Боря Левензон, которого Ирка кличет Фабержонком, – молодой талантливый ювелир и мой дальний родственник. Не кровный. Он внучатый племянник тети Иды, которая была женой дяди Вити, который был сыном сводного брата моей бабушки... Ну вы поняли, родство скорее символическое. Однако я чувствую себя в ответе за Борю, которого мы с Иркой вытащили из нехорошей истории, где было много всего: и тихие кражи, и дерзкий уличный налет, и разнообразные интриги, и даже засланный из-за океана казачок¹.

Боря прекрасно знает, что он наш должник, и ход мыслей Ирки я угадала без объяснений. Нам понадобится водитель, а у Бори есть личный транспорт – чего тут не понять?

– Мальчонке нашему я сама позвоню, – решила Ирка. – Но позже, когда Лазарчук сообщит, что он там выяснил. А пока...

Она посмотрела на наручные часы:

– Погуляем? Смотри, как красиво, снежок пошел, зима наступает... Заодно по магазинам пробежимся, посмотрим, почему нынче в Северной столице холодильники.

Я только вздохнула. Переубедить подругу, если она что-то вбила себе в голову, почти невозможно. Хоть о холодильниках речь, хоть о расследованиях.

Наступающая зима в Северной столице и ее пригородах обещала быть нескучной.

¹ Читайте об этом в романе Елены Логуновой «Брошки с Блошки».

Глава вторая

– М-м-м? – промычала я с подушки, интересуясь причиной раннего подъема.

– Дрели! – возвестил Колян и воздел перст к потолку. – Скоро грянут дрели! Червякам стальным подобны...

– Над седой равниной моря? – уточнила я с надеждой.

Очень хотелось послать дрели куда подальше, а море от нас нынче неблизко.

– За стеной бетонной серой! – помотал головой супруг, перевел указующий перст на меня и предупредил: – Пингвин спрятаться не сможет!

– Ладно, лезу из утесов и иду готовить завтрак, – уныло согласилась я, откидывая одеяло.

В проем, из соображений борьбы с клаустрофобией не оснащенный дверью, заглянул разбуженный сын. Зевнув, он спросил, как я только что:

– М-м-м?

– Горький, – объяснила я, решив, что потомок интересуется репертуаром утреннего концерта. – «Песнь о Буревестнике».

Я же писатель, это мой святой долг – приобщать молодое поколение к литературной классике.

– Да, сладкой эту жизнь не назовешь, – согласился сын и душераздирающе зевнул.

– «Песнь о буредрельщике», – предложил свой вариант Колян. – Есть такое слово?

– Нет, – досадливо молвил сын. – Но есть много других подходящих слов...

– Дррррр-бррррр-уиииии! – загнув его, взревело за стеной.

Буредрельщик начал свой трудовой день, помешав нам узнать, каков запас ругательств у представителя молодого поколения.

Хотя ненормативную лексику сын никогда не использует. Он у нас идейный. Употребление спиртного, курение, ругань, переход улицы на красный свет и нарушения ПДД за рулем у него под строжайшим запретом. Причем не только для себя – для окружающих тоже, так что папе с мамой приходится соответствовать.

– Нехороший буредрельщик, – дипломатично подытожил Колян. И добавил – конечно, только для того, чтобы не ломать ритм классического произведения: – Чтоб твоей сломаться дрели! Чтоб попасть сверлом в проводку и квартиру обесточить! Пусть тебя ударит током, белой молнии подобным!

– Кровожадененько, – одобрительно хмыкнул сын и ушел в ванную.

За завтраком выяснилось, что у всех есть дела в городе. Мужу нужно навеститься в редакцию журнала, с которым он сотрудничает, сыну – прикупить себе новые беспроводные

наушники, мне – отправить очередное письмо с документами в московское издательство. В почтовых отделениях нашего пригорода почему-то систематически нет обычных марок, хотя имеются суперсовременные роботизированные машинки, которые развозят по жилым кварталам заказные отправления. Что тут скажешь, Мурино – город контрастов.

Сразу после утренней трапезы мы слаженно, резвой рысью, как птица-тройка, вырвались с огороженной территории нашего ЖК на оперативный простор. Дружно доскакали до метро, а уже там разделились, потому что станции назначения у всех были разные. Я поехала на Финляндский вокзал – на втором этаже старого здания по соседству прячется уютное почтовое отделение, где никогда не бывает очередей.

Ирка позвонила мне, когда я уже налепила на конверт с документами только что купленные марки. Опустив приветствие, подруга спросила с необоснованной, на мой взгляд, претензией:

– Ну и где ты?!

– На Финляндском вокзале. – Я отдала конверт женщине в окошке и повернулась к выходу.

– Это где Ленин с броневика вещал?

– Было такое когда-то, да. – Я оценила проявление эрудиции. – А ты молодец, не забыла уроки истории.

– Забывать уроки истории – последнее дело, – важно согласилась Ирка. – А ты, кажется, не вспомнила, что у нас уже

было дело с трупом в полиэтиленовой упаковке².

– Ты видишь что-то общее между тем случаем в Красно-даре и этим в Мурине?

– А ты не видишь? Там были две жертвы – мужик и баба, и тут тоже!

– Верно, – согласилась я. – И что из этого следует?

– Из этого, может, и ничего. А из того нашего опыта следует, что для начала нужно основательно осмотреться на месте преступления. А то в прошлый раз мы слишком поздно выяснили, что в той квартире было два входа-выхода. Поэтому теперь я первым делом хочу исследовать место происшествия. Отсюда вопрос: у тебя, случайно, не сохранились ключи от квартиры Смурновых, царство им небесное?

– Ключ был один, и мы его честно вернули. Но я эту квартиру хорошо запомнила, могу план нарисовать, а на сайте есть фотографии всех помещений.

– А дом? Коридоры, лестницы, лифты, прочие подступы ты тоже хорошо изучила?

– Нет, по дому специально не гуляла, – призналась я. – Но подступы мы запросто можем осмотреть и без ключей, попасть в подъезд не проблема. Ты хочешь сделать это прямо сейчас?

– А у тебя есть какие-то более важные дела, чем расследование двойного убийства?!

При такой постановке вопроса я могла ответить только од-

² Читайте об этом в романе Елены Логуновой «Маска, я вас знаю!».

но:

– Ладно, иди в метро на Невском, встретимся на станции Девяткино.

От соседствующей с Финляндским вокзалом станции метро «Площадь Ленина» до «Девяткино» – четверть часа по красной ветке, от Невского с одной пересадкой – двадцать пять минут. Я успела прибыть на место встречи раньше Ирки и скоротала время за изучением ассортимента книжек в магазинчике на перроне.

До сих пор не могу привыкнуть, что на каждой станции метро продаются мои собственные произведения! Так приятно.

– Бу! – гаркнула в ухо подруга, появление которой я едва не прозевала. – Что читаем? А, бессмертную классику. У меня этой твоей книжки, кстати, еще нет, подаришь?

– Сейчас, куплю только.

Я расплатилась за книжку и сунула ее в свою сумку, чтобы попозже спокойно поставить автограф.

Ирка требует, чтобы я все свои книжки, подаренные ей, непременно подписывала: «Моей лучшей подруге». И еще точную дату проставляла. Мне кажется, это делает подписанную и датированную книжку чем-то вроде верительной грамоты, подтверждающей, что наша дружба не имеет срока годности. Годы идут, жизнь меняется, а мы по-прежнему лучшие подруги...

– О, самолет! – Ирка увидела памятник авиаторам Балти-

ки на одноименном бульваре. – Настоящий?

– Учебный Л-39, только не летающий уже.

– А с виду совершенно целый. – Подруга обошла по кругу стелу с водруженным на нее красно-бело-синим самолетом. – Интересно, в кабину забраться можно? А приборы там остались? Рычаги всякие, штурвал и все такое – шевелятся?

Я моментально поняла: как только Максимовы приедут к нам в гости всей семьей, ответы на эти вопросы будут найдены опытным путем. Иркины близнецы Масяня и Манюня дивно любознательны и предприимчивы, все в маму.

– Это ты еще не видела самоходные машинки, которые у нас тут почту развозят, – похвасталась я. – Такие хорошенькие грузовички размером с крупную собаку. Едут себе по улицам, песни поют, лампочками моргают.

– Ух ты! А грузоподъемность у них какая? – предсказуемо заинтересовалась подруга.

Этого я не знала, но опять же не усомнилась, что Масяня с Манюней быстро все выяснят.

– И паркетные тут у вас, и горки для байков и скейтов, и тренажеры уличные, и даже теннисные столы! – мимоходом восхищалась подруга.

– А к Новому году будут еще катальная гора и бесплатный каток.

– Вот это жизнь!

Тут я вспомнила, что кому жизнь, а кому и наоборот. И мы не просто с экскурсией по местным достопримечательно-

стям идем, а следуем на место убийства двух человек, дабы внимательно его обозреть.

– Вот тот жилой комплекс из четырех домов. – Я махнула рукой, указывая на нужное здание. – В каждом под тысячу квартир, так что калитки во двор, хоть они и на магнитных замках, почитай, не закрываются, все время кто-то ходит туда-сюда. И с подъездами та же история.

– Какой в таком случае смысл в закрытой территории и магнитных ключах? Что это дает, кроме увеличения стоимости коммунального обслуживания? – поинтересовалась подруга, дама не жадная, но экономная. – Камеры наблюдения есть?

– А как же! Во всех лифтах и на входе в каждый подъезд. Не знаю только, работают ли они. Когда мы тут жили, какие-то веселые ребята имели обыкновение объективы краской из баллончиков забрызгивать.

– Зачем?

– Зачем кто-то хулиганит и пакостит? – Я пожала плечами. – Большой вопрос, на который могут ответить разве что психиатры.

Мы подошли к калитке и не задержались ни на секунду, потому что она и вправду работала как вертушка на входе в торговый центр, кого-то выпуская, а кого-то впуская. Почти так же легко получилось проникнуть в подъезд – девушка, дожидавшаяся лифта, без всяких просьб с нашей стороны подошла и открыла нам дверь.

– Очень любезно, – негромко отметила Ирка. – И столь же неосторожно. Ну да что об этом говорить... Какой этаж?
– Девятый. – Вслед за любезной и неосторожной девушкой мы вошли в кабину.

Попутчица наша вышла на шестом, а мы – на девятом.

– Ну вот! – Я раскинула руки, как бы представляя подружке сцену действия. – Квартира Смурновых за первой тамбурной дверью слева, она первая по коридору. Направо – тоже квартиры, но в этой части этажа я никогда не была, прямо – выход на балкон, с него – на лестницу.

– Погоди, не части. – Ирка вытащила из своей торбы небольшой блокнот, пристроила его на ладони левой руки, занесла над клетчатым листом правую – с карандашом, огляделась. – Так, площадка у лифта примерно три на шесть метров, я пока приблизительно нарисую, – и зачеркала в блокноте.

Я дождалась, пока она набросает схематичный план одного помещения, и повела ее в следующее.

Мы прошлись по коридору до опечатанной двери квартиры Смурновых, царство им небесное. Попутно Ирка подергала металлические дверцы электрощитов и вентиляционную решетку, проверяя, нет ли за ними пустот, подходящих в качестве укрытия. Мы обошли весь этаж, выглянули на балкон, с него сбегали на лестницу, но спускаться по ней не стали, вернулись к лифту. Очень вовремя: как раз подошла одна из кабинок, та, что поменьше. Ее двери разъеха-

лись и...

Разогнавшаяся подруга грудью столкнулась в дверях с поспешавшим на выход мужчиной!

А грудь у Ирки что надо, высокая и крепкая – ею можно стены ломать.

Атакованный этим стенобитным орудием мужик звучно крякнул, согнулся, я даже подумала – сейчас упадет, но нет, товарищ оказался устойчивым. И целеустремленным – не задержался даже для того, чтобы наградить обладательницу могучей груди укоризненным (или заинтересованным, тут у мужчин возможны разные варианты) взглядом.

– Прощу прощения, – виновато выдохнула Ирка в его спину.

А я молча подобрала упавший блокнот и за рукав затащила подругу поглубже в кабину, освобождая немного места на случай, если еще кто-то захочет с нами вниз проехаться.

На седьмом этаже к нам присоединилась дама с собачкой, на пятом – парень с сумкой доставщика. Ирка, смущенная и пристыженная фиаско с беспричинно атакованным ею мужиком, чуть ли не по стеночке кабины распласталась и даже дышать боялась, так что доехали мы в тесноте, но не в обиде.

– Ну и что же мы выяснили? – уже во дворе спросила я подругу, желая поскорее вернуть ей обычную бодрую деловитость.

– Мы подумаем об этом за...

– Завтра? – нахмурилась я.

Затягивать с расследованием не хотелось.

– За кофе с пончиком! – Ирка высмотрела на углу пекарню-кондитерскую и сразу же взяла верный курс.

– В Питере пончики называют пышками, – сообщила я, догнав ее уже на входе.

– А кофе так и называют или его тоже переименовали? – ворчливо поинтересовалась она. И с порога величественно кивнула девушке за прилавком: – Здравствуйте, милая, нам с полдюжины пышек и пару чашечек черного кофею испить, уж будьте так любезны.

– Ого, – хмыкнула я. – Кто-то очень быстро адаптируется в культурной столице.

Мы сели за столик у стеклянной витрины и, поглядывая на идущий мимо народ, уплели горячие пончики, которые не стали менее вкусными от того, что их окрестили пышками.

– Кстати говоря, шаурме переименование в шаверму на пользу не пошло: какая-то ерунда получилась, – доверительно нашептала мне Ирка. – Я пробовала, это сущая профанация. Представь, они тут в шаверму свою жареную картошку кладут!

– И еще клюквенный соус к ней предлагают, – кивнула я. Она передернулась:

– Бр-р-р! Какая гадость эта ваша шаверма с клюквенным соусом!

– Особенности местной кухни, – вздохнула я. – Но давай уже к делу. Итак, ты нарисовала план, и что это нам дает?

Я положила перед подружкой блокнот с чертежом и сложила руки, как школьница, дожидаясь ответа.

– Это... Это дает нам... Что ты мне дала? – Ирка вскинула на меня глаза и постучала ногтем по схеме в блокноте. – Это не я рисовала!

– В смысле? – Я подняла брови. – Я же сама видела, как ты черкала в этом блокноте, хочешь сказать, у меня галлюцинации?

– У тебя не галлюцинации. – Подруга сунула руку в карман, извлекла оттуда второй блокнот и положила его рядом с первым. – У тебя чужой блокнот. Такой же, прошу заметить, как мой! – Она сравнила одинаковые обложки с логотипом давно прошедшего чемпионата по футболу Евро-2021. – Я свой купила в местном магазине «1000 мелочей», а этот откуда?

– В лифте подобрала. Я думала, это ты уронила, – призналась я. И догадалась: – А это, значит, того мужика, в которого ты врезалась!

– Очень, очень интересно. – Подруга открыла чужой блокнот. – Знаешь, что это? Схема двора того дома, где мы только что были.

– Она самая, – посмотрев на чертеж, который подруга любезно развернула ко мне, согласилась я. – А на второй странице что?

– По-моему, это кабина лифта, – покрутив рисунок в стиле минимализма так и сяк, предположила подруга. – И вот

тут, в углу над дверью, крестиком камера отмечена!

– Как интересно, – повторила я, и мы сцепились многозначительными взглядами. – Выходит, не только мы решили изучить ближние подступы к квартире убиенных Смурновых, но и какой-то подозрительный мужик!

– Убийца! – ахнула Ирка. – Говорят же, что их всегда тянет на место преступления!

– Да нет, убийца рисовал бы планы дома и двора в процессе подготовки к преступлению, а не после него, – возразила я.

– Может, до убийства он не успел.

– Теперь-то ему эти схемы зачем?

– А затем, что... – Подруга посмотрела на потолок, покусала карандаш и придумала: – Он это себе на память. Будет потом просматривать схемы, фотки, может, еще какие-то сувениры с места преступления и с удовольствием вспоминать свои кошмарные деяния, смакуя каждую деталь.

– Ты думаешь, он маньяк? – встревожилась я. – Эх, не запомнила я, как этот мужик выглядел...

– Так посмотри. – Ирка резко понизила голос и кивнула на окно-витрину. – Вон он, стоит и таращится на нас сквозь стекло. Жуть какая! Совсем маньяки в Питере обнаглели – уже даже не скрываются!

– Этот скрылся, – возразила я, поскольку мужик как раз слинял, не дав мне его рассмотреть.

Зато тут же появился на пороге пышечной.

– Какая наглость! – против воли восхитилась подруга, поскольку направился предположительный маньяк напрямиком к нам. И слабо порадовалась: – Хорошо, что пышки без столовых приборов едят, расчленить нас ему будет нечем. . .

– Может, он со своими ножами ходит, – пробормотала я и максимально отодвинулась в угол вместе со стулом.

Мужику, на ходу подхватившему стул у соседнего столика, как раз хватило площади, чтобы втиснуть свое посадочное место между нашими.

– Елена, Ирина, здравствуйте.

– Что? Мы знакомы?! – шокировалась я.

У меня, конечно, весьма широкий круг знакомств, но я не думала, что в нем присутствуют питерские маньяки.

– Я смотрел вашу, Леночка, страничку в соцсети, вы с Ирочкой там часто вместе.

Я нахмурилась. Терпеть не могу, когда малознакомые люди называют меня Леночкой.

– А вы, простите? – Ирочка осмелела и наставила на мужика указательный палец, как пистолет.

Предполагаемый маньяк не выглядел особо страшным. Белобрысый, голубоглазый, невысокий и худощавый, он мог бы без грима сниматься в старом советском фильме «Сказка о потерянном времени», где мальчики в одночасье стали старичками.

Видимо, привычно пытаюсь компенсировать малый рост, мужчина держал спину очень ровно, а голову – высоко.

– Позвольте представиться: Архипов Вадим Игоревич, для вас просто Вадик. – Он привстал над стулом и снова плюхнулся на него.

– И чего же вам от нас надо, Вадим Игоревич? – опасливо поинтересовалась я, не спеша панибратствовать с возможным маньяком.

– Ну, во-первых, я попросил бы вернуть мне блокнот, я не успел еще... А вы, вижу, уже успели! – Архипов бесцеремонно развернул к себе Иркин блокнот с детальной схемой девятого этажа. – Угу, угу... Грамотно выполнено, вы профессиональный чертежник?

– По первому образованию – инженер-строитель, – буркнула Ирка, не смягченная комплиментом. – А вы-то кто?

– Вот! Зрите в корень! – Странный тип энергично кивнул. – Боюсь, что я – как и вы...

– Ну, мы-то точно не маньяки! – не выдержала я.

– Да я вам верю! – Архипов приложил руку к сердцу. Вышло это у него изящно. – А вот полицию, мне кажется, терзают смутные сомнения.

– Да что ж они всех терзают! – посетовала я.

– Полицию? – повторила Ирка. – Какую еще полицию?

– Ну какую! Обыкновенную. Которая расследует двойное убийство граждан, в чьей квартире длительное время проживала ваша подруга, – пояснил ей Вадим Игоревич и сочувственно посмотрел на меня. – Ужасно неприятно быть подозреваемыми, правда?

У меня мелькнула догадка:

– А вы тоже...?

Архипов снова кивнул.

– Боюсь, я им даже более подозрителен, чем вы с супругом. Видите ли, это я имел несчастье обнаружить трупы.

– Да ладно? Это же просто здорово! – людоедски обрадовалась Ирка. – Вот вы нам все об этом и расскажете: как обнаружили, что обнаружили, когда обнаружили...

– Я расскажу, если вы тоже поделитесь всей известной вам информацией. – Вадим Игоревич снова посмотрел на меня.

– Я правильно понимаю, что вы не доверяете официальному расследованию и намерены путаться под ногами у полиции? – спросила я без тени осуждения, просто интересуясь.

– Вы понимаете правильно, – подтвердил Архипов.

Ирка встала и торжественно объявила:

– Добро пожаловать в наш клуб!

Знаете ли вы, чем, помимо великолепной архитектуры, хорош и необычен град Петров?

Я вам скажу: своим отношением ко всяческим безобидным фрикам.

При виде странно выглядящего и нетипично ведущего себя человека в культурной столице за телефоном – чтобы снять фрика на камеру – и к виску – чтобы покрутить там пальцем – тянутся только люди пришлые, случайные. Те, кто впитал с молоком матери или самостоятельно постиг суро-

вый дзен города на Неве, разве что усмехнутся, хмыкнут, глянут снисходительно да и пройдут себе мимо, не притормаживая. Поэтому самых разных фриков в Питере немало, и они по-своему украшают городской пейзаж.

Две прекрасные дамы и один джентльмен, все трое – не юных лет, азартно шушукающиеся за столиком в пышечной и жирными от фирменных изделий пальцами хватающие листы загадочных схем, не привлекали особого внимания публики. Разве что мамыши с детьми на всякий случай отсели от нас подальше – в дальний угол.

Безобидные фрики и опасные маньяки вполне могут быть одного поля ягодками, об этом в Питере тоже знают не понаслышке.

Заслушав основного докладчика, мы с Ирккой стали задавать ему вопросы.

– Как долго вы пробыли в квартире? – спросила я нашего нового компаньона.

– Примерно десять минут.

– За это время убийца мог уйти далеко, – вздохнула подруга. – Даже если он не воспользовался лифтом, где имеется видеочамера, а спустился по лестнице.

– Мне кажется, важнее понять, как он пришел, – сказал Архипов. – Смотрите, к моменту моего появления в квартире жертвы уже лежали, добросовестно упакованные в пленку, на балконе. Но в прихожей еще оставалась лужица, на-текшая с хозяйского зонта, пристроенного на вешалке, хо-

тя сам он, я помню, уже просох. Значит, Смурновы пришли примерно за полчаса до меня, так?

– Возможно, – осторожно согласилась Ирка. – Хотя для пущей точности надо провести эксперимент с зонтом. Я никогда не хронометрировала процесс его сушки.

– Плюс-минус пара минут не имеют значения, – успокоил ее Архипов. – Выходит, хозяева пришли в квартиру примерно в одиннадцать часов. Разделись, разулись, повесили мокрый зонт и занялись уборкой. А дверь не закрыли, потому что ждали моего появления.

– Но вместо вас явился убийца! – подхватила Ирка, округлив глаза.

– По которому, надо полагать, не видно было, что он убийца, иначе Смурновы оказали бы сопротивление, – рассудила я. – То есть он не выглядел подозрительно. И не пошел на них с порога, выкрикивая угрозы, с полным отравы шприцем в высоком замахе над головой.

– Да, в помещениях все было в порядке, даже забытое посреди комнаты ведро с водой – полы они не домыли – осталось неперевернутым, – подтвердил Архипов.

– Может, убийца был не один? – задумалась Ирка. – Иначе как он справился сразу с двумя жертвами? С обеих рук вколол им отраву, двумя шприцами одновременно?

– Шприц мог быть всего один и маленький, незаметный. Знаете, бывают мягкие пластиковые тубики с иглками, такой можно спрятать между пальцами или в перчатке, – под-

сказал Архипов. – Я думаю, убийца сначала уколол одного человека, – второй этого даже не заметил, – а потом занялся следующей жертвой. Думаю, первым был обезврежен мужчина.

– Логично, но посмотрим сюда, – я потыкала пальцем в план квартиры, который только что нарисовала в соавторстве с Вадимом Игоревичем. – Помещения довольно просторные, одна прихожая – два на три метра, а Смурновы в процессе уборки вряд ли столбами стояли у входной двери. Значит, убийце для контакта с жертвами нужно было преодолеть несколько метров. И что, они замерли при его появлении, точно кролики перед удавом?

– Я вижу только один вариант, – ответил Архипов, пока Ирка, хмурясь, рассматривала план квартиры, в которой ей, в отличие от нас с Вадимом Петровичем, не довелось побывать. – Смурновы знали убийцу и не имели активных возражений против его появления на своей территории.

– А также против рукопожатий и дружеских объятий, – кивнула я. – Тогда все понятно.

– Что понятно? – очнулась моя подруга.

– Почему жертвы не сопротивлялись и не орали, – объяснила я. – Явился кто-то хорошо им знакомый. Возможно, со словами: «Ба, сколько зим, сколько лет!» – и сразу полез обниматься, заодно и шприц свой в ход пустил.

– Но это значит, они давно не виделись, – подметил Архипов.

– «Давно» – относительное понятие, – напомнила я и посмотрела на подругу. – Мы с тобой когда обнимаемся? Если не виделись больше недели, примерно так.

– Близкий друг или даже родственник, – сказала Ирка вместо ответа, – вот кем приходился жертвам их убийца! – И она удовлетворенно откинулась на стуле.

– Я бы поставил на родственника, – сообщил Архипов. – Просто потому, что он запросто может быть еще и наследником, а в таком случае у нас сразу же появляется мотив преступления.

– Родственник кокнул Смурновых, чтобы завладеть каким-то их имуществом, – повторила я. – Да, вполне себе версия! Значит, надо искать убийцу в ближнем круге жертв.

– И заодно выяснить, каким таким имуществом владели Смурновы, – подсказал Архипов.

– Как будем выяснить? – Я оглядела своих компаньонов.

Ирка молча подняла смартфон и одними губами, но очень понятно проартикулировала: «Ла-зар-чук!» – а потом нормальным голосом договорила:

– Наш друг полковник сам обещал нам что-нибудь узнать. Пора истребовать обещанное.

На сей раз Сереге позвонила я. И, разумеется, не только не услышала в трубке: «Ба, сколько лет, сколько зим!» – но и вообще никакой радости в голосе.

– Я помню о тебе и позвонил бы сам, – буркнул Лазарчук. – В какое-нибудь более подходящее время.

– Ты как раз ешь? – догадалась я. – Тогда приятного аппетита.

– Боюсь, обед, приправленный разговором с тобой, не пойдет мне на пользу, – посетовал старый друг. – Диетологи говорят, за едой надо думать о приятном и не отвлекаться на раздражители.

– От раздражителя слышу! – огрызнулась я, начиная сердиться. – Положи ложку и быстро рассказывай, что узнал. Некогда нам дожидаться, пока ты отобедаешь. У нас тут преступник, совершивший двойное убийство, на воле разгуливает!

– Тш-ш-ш-ш! – зашипела на меня Ирка, взглядом указав на мамаш с детишками в углу зала. – Не пугай народ!

– А что ты от меня хочешь услышать? – уперся полковник. – Думаешь, коллеги выдали мне тайны следствия? С чего бы, Питер – не моя земля!

– Вот! – назидательно провозгласила Ирка, сунувшись ближе к трубке. – В чем разница между нами и вами! Вы там делите, где чья земля, а у нас она вся общая, родная, русская!

– Мне прослезиться? Устыдиться и растрогаться? – съязвил Лазарчук.

– Не обязательно, можешь продолжать демонстрировать душевную черствость, – разрешила я. – Просто скажи, что узнал. Ну же, Серега, мы знаем, ты любопытный, наверняка ведь хоть что-то да выяснил!

– Я выяснил главное: вы можете расслабиться, у местных

следаков другой основной подозреваемый – некий гражданин Архипов, имя-отчество не знаю...

– Вадим Игоревич я! – с готовностью представился гражданин Архипов.

– Блин! – донеслось из трубки. Хотя, возможно, я недо-слышала, и это было созвучное непечатное слово. – Уже ско-оперировались?!

– Пролетарии всех стран, соединяйтесь! – объявила Ирка.

– Пролетарии всех стран, пролетайте! – не согласился полковник. – Значит, так. Все, что я могу для вас сделать, – это дать контакт хорошего человека, который служит под нача-лом моего давнего знакомого. Он кое-чем мне обязан, а по-тому принял к сведению мои рекомендации. Пришлось ска-зать, что вообще-то вы те еще занозы в мягком месте, но польза для дела от общения с вами превышает потенциаль-ный вред для нервной системы.

– Как завернул-то! – восхитилась я. – Короче, ты хочешь сказать: этот твой хороший человек будет нам помогать?

– Я бы сказал, что это вы будете ему мешать, но не хочу выглядеть, как капитан Очевидность.

– Тем более что ты не капитан, а полковник, – согласилась я. – Ну, так как? Продиктуешь контактик?

– Пришлю эсэмэской, – пообещал старый друг и отклю-чился.

Через несколько секунд звякнул, приняв сообщение, мой смартфон.

– Капитан Чайковский, Валерий Петрович, – прочитала я с экрана.

– Как тесен мир! – восхитилась Ирка. – Телефончик его есть?

– И телефончик, и адресок, и даже электронная почта. – Я полезла в сумку. – Он же визиточку нам оставил... Вот!

– Позвоним или навестим? – деловито спросила подруга.

– Вариант «оставим в покое» не рассматривается? – Яглянула на Ирку, потом на Архипова. По выражениям лиц поняла, что отныне покой участковому только снится, и развела руками: – Тогда предлагаю нагряться без звонка. Ручьевский проспект – это совсем рядом, буквально за углом.

– Кто ходит в гости ввечеру, тот поступает мудро! – речитативом приговаривала Ирка, на ходу переиначивая песенку Винни Пуха. – Туру-руру, туру-руру, на то оно и... Быстро дайте мне рифму к слову «мудро»!

– Пудра, – подсказала я, поскольку мы как раз проходили мимо магазина косметики.

– Еще, – отмахнулась от моего варианта поэтесса.

– Вудро, – предложил Архипов.

– Что еще за вудро? – остановилась подруга.

– Не что, а кто. Вудро Вильсон, двадцать восьмой президент США.

– А он тут при чем?

– А Винни Пух при чем? – вмешалась я, не желая, что-

бы новые компаньоны поссорились из-за ерунды – какого-то там американского президента.

– Я просто складываю новую походную песню!

– Давай потом, а? Распутаем дело – сложишь сразу балладу, – попросила я.

– Как Лютик? – заинтересовался Архипов.

– Тоже фанат сериала «Ведьмак»? – Ирка посмотрела на него с новым интересом.

– Просто у нас в офисе поговорить особо не с кем, одни кодеры, так я частенько телик смотрю. – Наш новый товарищ слегка засмутился. – Сериалы там, документалку про природу и жизнь замечательных людей...

Я поняла, что эти двое найдут общий язык. Ирка тоже благодарный зритель. А я на телевидении работала много лет, знаю всю его изнанку и по эту сторону экрана ничего интересного для себя давно не нахожу.

– Давайте потом про сериалы? – снова попросила я, уже досадливо. – Мы пришли. Где-то здесь наш Чайковский гнездится.

– Где? – огляделась Ирка.

Перед нами высились поросшие бурьяном холмы, по которым вилась кривая тропка. Сквозь щетину сухих стеблей пробивался призрачный зеленый свет нечитаемой вывески, а выше, до самого неба, тянулся однообразный, как шахматная доска, фасад многоэтажки. Линии, соответствующие подъездам, были отчетливо обозначены горящими огнями,

но окон светилося мало, хотя день выдался пасмурный и уже перевалил за три часа. По меркам зимнего Питера, близился вечер.

Я поднялась на холм и помахала рукой компаньонам:

– Смелее, тут есть цивилизация!

Цивилизация в только что сданном, но почти не заселенном доме на данный момент была представлена преимущественно торговыми заведениями на первом этаже. Потусторонний зеленый свет, кстати говоря, источала вывеска забегаловки с претенциозными названием «Мир шавермы».

Я заглянула в этот мир (он не показался мне прекрасным) и, не отпуская ручку двери, спросила с порога:

– Здравсьте, не подскажете, где тут участковый?

– Сь другой старана, гиде Вайлдберриз, – не удивившись вопросу, ответила из-за прилавка женщина в платке и платье в пол.

Мысленно подивившись тому, что безупречно правильно эта дама произнесла только трудное название интернет-магазина, я сказала:

– Спасибо! – и прикрыла дверь.

Ирка и Архипов уже заинтересованно сопели у меня за спиной. Я жестом пригласила их следовать за мной, резво обошла дом и со стороны двора обнаружила искомое: участковое отделение полиции.

В отличие от других помещений оно не было оснащено зазывной сияющей вывеской, на стене имелась только скром-

ная табличка с указанием приемных часов, тем не менее наплыв граждан был такой, что «Мир шавермы» мог только позавидовать. У двери стояла очередь – с десятков смуглолицых черноволосых мужчин, показавшихся мне похожими, как братья.

– Десятеро из ларца, одинаковых с лица, – пробормотал Архипов, привлекая к нам внимание.

– Здравствуйте, – вежливо кивнул мне один из брюнетов.

– Здравствуйте, – вежливо ответила я.

А Ирка, повернувшись к Архипову, зашептала:

– Послушайте, Вадим, вам придется подождать тут, но вы не заскучаете, смотрите, тут целая компания мужиков...

– Но почему...

– Да потому, что наш друг полковник отрекомендовал коллегам только нас с подругой, за вас он не ручался, поэтому будет лучше, если мы с Ленкой пойдем вдвоем, – объяснила Ирка.

Тут дверь открылась, и из нее был аккуратно выставлен за порог еще один невысокий чернявый молодец. Уже знакомый нам по предыдущей встрече участковый, утвердив брюнета на ступеньке, выпустил его локоть и оглядел собравшихся у крыльца.

Хмурый взгляд Чайковского скользнул по однотипным смуглым лицам и будто споткнулся на физиономии моей белолицей голубоглазой подруги. Я вскинула руку и помахала:

– Валерий Петрович, добрый день!

– Кому как, – вздохнул участковый и отвернулся, но тоже махнул: – Заходите.

Брюнеты безропотно расступились, пропуская нас, и мы с подругой понялись на крыльцо. Чайковский любезно придержал дверь, и мы вошли в его обитель.

– Мда-а-а, – протянула Ирка, едва оглядевшись. – Это скромность или аскеза?

– Это стандартная квартира в предчистовой отделке, – ответила я, узнав до боли знакомый интерьер: бетонный пол, белые оштукатуренные стены, серый пятнистый потолок со свисающей с него одинокой лампочкой на шнуре. И почувствовала хозяйину: – Что ж вам даже простенький ремонтик не сделали?

– Некогда было, тут давно участкового ждали. – Хрустя бетонным крошечком под ногами, Чайковский прошел в угол, занятый письменным столом, и устроился за ним. – Район растет как на дрожжах, надо новые участки открывать, а у нас людей не хватает...

– В таких условиях верными помощниками нашей полиции могут стать добрые граждане! – объявила Ирка и приосанилась, давая понять, что речь о нас с ней, однозначно.

Валерий Петрович своему счастью почему-то не возрадовался.

– Наслышан, да, – обронил он со вздохом и кивком указал на ряд стульев у стены.

– Тогда не будем ходить вокруг да около. – Я сразу взяла

быка за рога. – Мы пришли разузнать об убитых Смурновых. Что это были за люди, как жили, чем занимались...

– Особенно нас интересуют их близкие родственники, – вставила Ирка.

– Вы же понимаете, что расследование тяжких преступлений не входит в мои обязанности? – хмуро поглядел на нас участковый.

– В наши тоже! – не стушеввалась моя подруга. – Это у нас с вами общее!

– Мы и не спрашиваем про расследование. – Я успокаивающе улыбнулась. – Нам бы о людях узнать. А собирать информацию о гражданах, проживающих на участке, – это же в ваших обязанностях, верно?

– Да, к сожалению, – признал Чайковский и посмотрел в окно, за которым видны были черноволосые макушки ожидающих приема. – А ее попробуй собери! Видали этих, из бывших братских республик? Живут все в одной «трешке», в каждой комнате по два ряда двухъярусных кроватей, кто кому кем приходится – не поймешь. Документы показывают то ли свои, то ли чужие – не разберешь: вроде лицо похоже на фото в паспорте, но они же все как близнецы-братья!

– Хотите совет? – Я приподнялась на стуле, тоже глянула в окно и снова села. – Информационный бартер, баш на баш. Эти ребята занимаются ремонтом, у них есть старший, его зовут Шерзод, фамилию не помню. Мужчина в темно-красной куртке, вы с ним свои вопросы и решайте.

– Откуда вы знаете? – Во взгляде участкового удивление смешалось с уважением.

Я закрепила успех:

– Третий месяц тут живу, смотрю, слушаю, на ус мотаю.

– Бесценный кадр для вас, товарищ капитан! – Ирка подпихнула меня локтем и тут же вернулась к теме. – Так что насчет Смурновых-то?

– Да ничего особенного, – немного помолчав, неохотно заговорил Чайковский. – Женаты были два года, жили в маленькой съемной студии, а просторную «однушку» мужа сдавали. Кирилл Егорович кофейный ларек у метро держал, так себе бизнес был, едва окупался. Александра Ивановна ноготочки на дому делала и квартирантов заселяла-выселяла. У мужа родня далеко, где-то в Пермской области, у жены никого, сирота. И зачем кому-то понадобилось их убивать, да еще так затейливо, непонятно.

Я покосилась на вытянувшееся Иркино лицо:

– Они не очень-то приятные люди были, эти Кирилл и Александра. Может, поссорились с кем, нажили себе врагов?

– Вас, например, – с готовностью кивнул участковый.

– Мы разве враги? Максимум – недоброжелатели, – не согласилась я. – А вот в соседней квартире бордель, вы не знали? Потенциальный рассадник криминала. Может, Смурновы тамошним хозяевам или завсегдадаям помешали...

– Проверю, за информацию спасибо. – Чайковский при-

хлопнул ладонями по столу и встал.

Я поняла, что нам недвусмысленно предложено удалить-ся, и тоже поднялась.

– И это все? – Ирка уходит не хотела. – Хотя бы паспорт-ные данные их дайте!

– Не надо. – Я потянула подругу со стула, кивнула участ-ковому: – Спасибо, до свиданья.

– До новых встреч! – с вызовом добавила Ирка.

Мы вышли за дверь, спустились с крыльца. Я оглянулась и, не увидев в окне наблюдающего за нами участкового, ска-зала:

– Совсем забыла сказать тебе: я же сохранила договор, который мы подписывали при заселении, а там указаны все паспортные данные хозяйки – Александры Смурновой.

– Так с этого и надо было начинать! – вскинулась подруга.

– С чего? – К нам подошел заждавшийся Архипов. – С чего нам надо было начинать? Расскажите, что вы узнали.

Я молча вытянула из кармана смартфон, запустила нуж-ное приложение:

– Вот, слушайте.

– Ты включала диктофон? – восхитилась подруга.

– Старая добрая журналистская привычка.

Мы постояли за углом, дожидаясь, пока Архипов прослу-шает недолгий разговор с участковым. Потом Ирка глянула на часы и сказала:

– Предлагаю на сегодня закончить. Меня кот ждет, с утра

не кормленный.

– Расходимся, – согласилась я. – Думаем, что делать дальше, и созваниваемся. Вадим, диктуйте ваш номер.

Мы с Архиповым обменялись телефонами и поставили наше частное расследование на паузу.

Глава третья

Утром мне позвонил кот.

Мобильный запел, я, не посмотрев на входящий, ответила и услышала сварливый кошачий голос:

– Ва-а-а!

– Варварство это и дикость? – расшифровала я. – Что именно?

– Умя-а-а!

– Умелась вчера с утра и запропастилась до вечера? Ты на Ирку жалуешься?

– Ма-уа!

– Мало коту еды достается?

– Да какое мало: он вчера три пакетика корма за один при-сест слопал, а потом еще мясо из кастрюли с супом пытался выловить! А ну, иди отсюда, ябеда!

Кошачий мяв отдалился, человеческий голос приблизился.

– Оставила смартфон вчера на столе в кухне, не зная, что кот способен позвонить, – пожаловалась Ирка. – Хорошо хоть, тебе, а не тете Иде! Разволновал бы старушку своими кляузами.

– Ты вчера вечером со мной разговаривала, а кот случайно повторил последний вызов, – объяснила я.

Перед сном, управившись со всеми дневными делами, мы

с подругой провели небольшое совещание, решая, как дальше вести свое расследование. Постановили съездить по месту прописки Александры Смурновой – в поселок с выразительным названием Болотный. Авось там кто-то покойницу знает, помнит и нам о ней расскажет.

– Только я с утра не могу, – напомнила я. – Мне нужно десять страниц своего романа написать и тридцать чужого – отредактировать. Давай после обеда.

– Ладно, я тогда пока транспорт нам организую и решу вопрос с Архиповым.

Вчера мы с подругой постановили, что нам не обязательно все время таскать с собой нового компаньона. Без него нам с ней как-то сподручнее – слаженная боевая двойка, как у Холмса с Ватсоном. Оставалось договориться с самим Архиповым, вдруг он будет против эпизодического участия.

Я приготовила завтрак, накормила свое семейство и засела за работу. Мне никто не мешал: муж и сын и сами сидели за компами, а буредрельщик над седой равниной потолочного перекрытия нынче не реял.

– Надеюсь, он засверлился, – мечтательно шурясь, предположил Колян.

– А? – не поняла я.

– Буредрельщик. Надеюсь, он приставил дрель к виску и засверлился!

– Звучит ужасно. – Я поежилась. – Кроваво, как в фильмах Тарантино.

– А в жизни разве не ужасно? Крысят несчастных как страшно убили, хоть и совсем не кроваво, – напомнил муж и опять уткнулся в свой макбук.

А я застыла с занесенными над клавиатурой руками, задумавшись: в самом деле, зачем кому-то понадобилось убивать этих Смурновых таким странным и сложным образом?

– У меня по этому поводу две версии, – сказала Ирка, которой я незамедлительно позвонила. – Первая: убийца псих. Чокнутый маньяк, для которого затейливость преступления обязательна, иначе ему не в кайф.

– А вторая?

– Убийца хотел этих Смурновых наказать. То есть он их не просто жизни лишил, а казнил. Жестоко, с выдумкой, весьма впечатляюще.

– Эта версия мне больше нравится, – призналась я. – Она позволяет думать, что убийством Смурновых злодей ограничится. Тогда, как в случае с маньяком, наоборот, надо ждать новых жутких преступлений.

– Поживем – увидим, – невозмутимо ответствовала подруга. – Ты, кстати, как там, успеваешь со своим ежедневным obroком? Я договорилась с Фабержонком, он и его «ласточка» в нашем распоряжении сегодня с трех до семи. Я подъеду к тебе к этому времени.

– Буду готова, – пообещала я и не обманула.

А Фабержонк, он же Боря Левензон, прибыл к назначенному часу даже не с одной своей «ласточкой», а с двумя: ко-

гда мы с Ирк^{ой} полезли в его машинку, на переднем пассажирском сиденье уже помещалась кудрявая блондиночка с оленьими глазами.

– Это Джульетта, – представил ее Боря. – Моя невеста и менеджер.

– Ме-е-е? – Удивленная Ирка то ли заикнулась, то ли высказалась на кошачьем.

– Менеджер, – повторила я, чтобы подруга поняла: она не ослышалась.

– Здравствуйте, очень приятно, я много о вас слышала. – Красавица повернулась к нам, просияла улыбкой и тут же деловито скомандовала Боре: – Поехали уже, надо управиться с этим до семи.

– Тебе не кажется, что она на кого-то очень похожа? – нашептала мне Ирка, пристально глядя на светлые локоны барышни.

– На Римму Аркадьевну, Борину маман, – так же тихо ответила я. – Тот же типаж, только помоложе. А я-то думала, наш мальчик обрел свободу...

– Свобода ничего не стоит, если она не включает в себя свободу ошибаться.

– Это кто сказал?

– Ганди.

– А ты, значит, считаешь, что Боря ошибся в выборе подруги?

– Она мне не нравится.

– Так это его подруга, а не твоя!

– А почему вы шепчетесь? – с переднего сиденья к нам обернулась Джульетта. – Говорите громче, не стесняйтесь. Или у вас тайны следствия?

– Какого еще следствия? – Я строго посмотрела на Ирку, она точно так же – на Борю.

– Проболтался?

Водитель наш втянул голову в плечи.

– У Борюсика от меня секретиков нет, – похвалилась красавица. – Я знаю, что ваших знакомых убили и вы не доверяете полиции, хотите сами выяснить, чьих это рук дело. Мы готовы участвовать, но давайте сразу договоримся об условиях.

– О каких еще условиях? – Ирка качнулась вперед, чтобы заглянуть в лицо излишне болтливому Боре, но тот отвернулся, пряча глаза.

– Вы, Елена, упомянете Борюсика в новом детективе, это, как выяснилось, неплохая реклама. И хорошо бы что-то из нашей новой коллекции украшений в сюжет заплести, хотя бы броши-пуговицы, это очень интересный, но еще совершенно не раскрытый продукт.

Покрасневшая Ирка уставилась на меня в немом возмущении. А я не стала артачиться, сговорчиво кивнув:

– Ладно, упомяну и Борюсика, и его пуговицы, мне не жалко. Но с тебя за это, милый родственник, безлимитный извоз по первому требованию на все время расследования.

– А, тогда нормально, такси дороже обойдется. – Успокоившаяся Ирка поудобнее устроилась на сиденье.

Джюльетта призадумалась, видимо, прикидывая, не прогадала ли она.

Боря, что примечательно, не проронил ни звука. Однако поработила его эта белокурая бестия!

Я мысленно сделала себе пометочку: разобраться между делом, счастлив ли наш Ромео с этой Джюльеттой. Если нет, Ирка ему быстро сосватает одну из своих многочисленных юных родственниц, она обожает устраивать брачные союзы.

В тишине, нарушаемой только рокотом автомобильного мотора, мы пролетели по Кольцевой, свернули на дорогу похуже, потом еще хуже и вскоре запрыгали по колдобинам неухоженного проселка. Мелькнул указатель с надписью «Болотный – 1 км», сосновый лес по сторонам поредел, расступился и открыл вид на подобие обширной поляны, окруженной строениями. Проселок вильнул в сторону, нырнул с пригорка вниз и потянулся широким кругом между заборами разной степени высоты и ухоженности.

– Не дачное местечко, – резюмировала Ирка, глядя в окошко.

По нужному нам адресу обнаружилось полуразрушенное деревянное строение, некогда, вероятно, не лишённое своеобразной красоты и прелести, а теперь воплощающее тоску запустения. Покривившаяся резная башенка выглядывала поверх оплетенного колючками забора, как скорбно по-

никшая голова.

Калитка оказалась заперта, на призывный стук никто не реагировал, но доски из забора кое-где были выдернуты, и я решительно просочилась в проем побольше. Ирка, кряхтя и усиленно втягивая живот, пролезла вслед за мной. Джульетта только сунулась в дыру, огляделась и быстро приняла решение:

– Местные, наверное, держат кур, коров и коз, пойду, куплю деревенских продуктов. – И удалилась.

Боря, наш пуговичных дел мастер, заглянул, скороговоркой сообщил:

– А я в машине подожду, ладно? – И тоже исчез.

Мы с подругой остались вдвоем.

Я поежилась – местечко наводило легкую жуть: резной теремок – образец северо-русского деревянного зодчества – выглядел заброшенным и необитаемым.

Крыша его с одной стороны провалилась и неприятно походила на проломленную голову, окна были закрыты ставнями, на двери висел амбарный замок – такой большой, что его прекрасно видно от забора. А в противоположном углу двора и вовсе чернело пепелище, представляющее собой холмы неопознанного хлама в обрамлении обугленных бревен.

– Похоже, здесь не живут, – констатировала Ирка и присела на корточки, рассматривая длинные прямоугольные холмики вдоль забора.

– Могилки трогать не будем, – предупредила ее я, маши-

нально понизив голос до шепота.

– Это не могилки, – отмахнулась от меня подруга, – это были грядки. – Она потянулась, сорвала несколько травинок, растерла их в пальцах и понюхала. – Мята, мелисса, укроп, а вот это и это даже я не знаю...

Я удивилась: Ирка – совладелица успешной компании, торгующей семенами, всяческой растительностью и всем, что нужно для сада-огорода. Если она не узнала какую-то зелень, это должно быть что-то очень редкое.

Озвучить свою мысль я не успела. За забором как будто огромный гриб вырос – над неровным краем досок поднялась серо-бурая шляпка.

Точнее, шляпа. Мягкая, кажется, войлочная, фасона «мятая кастрюлька». Из-под нешироких полей блеснули отливающие фиолетовым толстые стекла очков и седые локоны:

– Кто такие? Зачем в чужой двор полезли?

Я автоматически шагнула ближе к забору, открыла рот, но не придумала, что ответить. Зато Ирка нашлась моментально – распрямилась, подошла, поправила тяжелую сумку на плече и умильно заворковала:

– Здравствуйте, здравствуйте, бабушка, как хорошо, что вы здесь, а мы уж подумали – ни единой живой души нет!

– И чего? Решили пожить? Так нечем, – хмыкнула бабушка и мотнула головой. – Что не сгорело, то в халабуду сложено и заперто надежно!

Я оглянулась, чтобы увидеть, на что указывает острый ста-

рушечий подбородок, и только теперь разглядела красно-коричневый контейнер для перевозок, который приняла было за накопительный резервуар для воды.

– Какое красивое слово – «халабуда»! – негромко восхитилась Ирка, и глаза ее затуманились.

Сейчас начнет стихи сочинять, поняла я.

И точно:

– Дай мне рифму! – шепотом потребовала подруга.

– Не буду!

– Спасибо! Я не буду, я не буду лезть в чужую халабуду...

– Громче говорите, у меня слух уже не очень! – Бабушка и сама повысила голос. – Заблудились, что ли? Или вы новые наследники? Слыхала я, что внучку Графыча убили.

Она вплотную приблизилась к забору и удобно сложила поверх него руки в матерчатых перчатках с обрезанными пальцами. Я расценила этот жест как проявление готовности к дальнейшей беседе и вступила в разговор:

– В том-то и дело, что Александру Смурнову и ее мужа убили, мы тут как раз по этому вопросу...

– На милицию вы не похожи. На полицию то есть, – перебила меня бдительная бабушка.

– Разумеется, мы не из полиции, – фыркнула Ирка и зачем-то полезла в свою торбу.

Через пять секунд шуршания и энергичной возни в закрытых мах стало ясно – зачем.

Подруга извлекла из сумки мою новую книжку! Ту самую,

со свеженьким автографом на первой странице.

– Вот, видите? – Ирка продемонстрировала бабушке сначала обложку, потом последнюю страницу с фото. Еще и подняла руку повыше, установив томик в воздухе рядом с моим лицом. – Писатель Логунова – известный автор детективов...

– Меня Еленой зовут, – вставила я.

– А меня Верой Игнатьевной, – машинально отозвалась старушка.

– А я Ирина, не писатель, но поэтесса, очень приятно! – обрадовалась подруга и протянула мою книжку новой знакомой. – Это вам в подарок, на память о нашей встрече.

– Подарок – это хорошо, – бабуля приняла презент, покачала головой вверх-вниз, переводя внимательный взгляд с моего лица на портрет на обложке, – а только все равно непонятно, зачем вы к Графычу покойному полезли?

– Ну как же? – Ирка всплеснула руками. – Лена в поисках нового сюжета! Смурновых же убили, да и Графыч этот, вы говорите, покойный уже...

– Ну старика никто не убивал. – Зашуршала болоньевая ткань плаща – удовлетворенная объяснением Вера Игнатьевна спрятала книжку в карман. – Сам помер, старый был, а мужикам в таком возрасте одинокими оставаться нельзя, они ж беспомощные – захворал да и слег. А мог бы жить еще, кабы простых деревенских не чурался. – Бабушка поджала губы, заправила под шляпу выбившуюся прядь.

Мы с Иркочкой молча ждали продолжения, не сомневаясь, что оно последует. Чувствовалось, что Вера Игнатьевна из тех бабулек, которые не прочь поболтать, особенно – кого-то обсудить и осудить.

Из короткого, но эмоционального рассказа старушки-соседки мы узнали, что Арсений Евграфович Елагин, которого в поселке звали Графычем, приходился Александре Смурновой родным дедом. Приехал он в Болотный несколько лет назад, недорого купил дом, который уже тогда был не в лучшем состоянии, а ремонтом и восстановлением своего жилища не занимался, поскольку «не рукастый был». У Арсения Евграфыча имелось другое пристрастие: он выращивал и собирал по лесам и болотам разные травки, сушил их, варил и настаивал.

– Ну чисто ведьмак какой, – блеснула очками Вера Игнатьевна. – Бывало, запрется у себя в сарае – это вон там, где все сгорело, – и что-то варит, варит – из трубы дым валит то зеленый и вонючий, то ничего так, даже приятный...

Бабуля задумалась, жуя губами. Мы с подружкой затаили дыхание, не желая ей помешать.

– А спросишь его – Графыч, чтой-то ты такое неаппетитное кашеваришь, оставь, заходи лучше пирогов с клюквой и яблоками поесть, он тока фыркнет, как лошадь... Осел старый. – Вера Игнатьевна рассердилась. – В деревне, почитай, одни бабы остались, мужиков раз-два – и обчелся, да и те кто пьянь, кто рвань, плюнуть не на кого. А тут приличный

вроде дед, не алкаш и не калека, спина прямая, руки-ноги крепкие, даже не лысый совсем!

Тут она снова задумалась.

– Хотя Акимыч нынче тоже не лысый, аж прям кудрявый, как в юности, сделался, и говорят, это ему как раз Графыч не то притирку, не то примочку какую сварганил. Акимыч, гад, не признается, а мог бы и поделиться полезным средством по-соседски-то!

Бабуля, рассердившись, оглянулась и погрозила забору по другую сторону улицы костлявым кулачком.

– А как случилось, что он умер, этот Графыч? – Ирка попыталась аккуратно вернуть рассказчицу к теме внезапных смертей Смурновых-Елагиных.

– Да как? Занемог и слег, а один был, без помощи и пригляда. Может, коронавирус его скосил, тогда еще им болели, хотя про карантин уже речи не вели. Но у Графыча все равно, почитай, самоизоляция была: бобыль же. Девчонка, внучка, давно уже в город уехала, смотреть за дедом не хотела. Прислала, правда, какого-то... – Тут бабка снова оглянулась и понизила голос: – Чужака!

– Какого чужака? – не поняла я.

– А такого! – Вера Игнатьевна сузила глаза и растянула руками щеки. – Чернявого, смуглого... Графыч его Мишкой звал.

– Имя русское, – отметила Ирка.

– Имя-то да, – согласилась бабуля. – А сам не наш. Рука-

стый, правда: полы подлатал, забор поправил. Крышу только починить не успел... Но что с такого возьмешь? Он и по-русски-то ни бэ, ни мэ, не поговоришь, не расспросишь. И безответственный, видать: взял и умелся к себе туда, на свою солнечную родину, а деда бросил. А Графыч, значит, заболел, да и свалился, лежал один в нетопленной избе, голодный да холодный...

Голос рассказчицы стал жалостливым, с отчетливыми плаксивыми нотками. Я покосилась на Ирку – та сочувственно загнула губы крючками, – и тоже сделала показательно горестное лицо.

– А было что у нас? Кажись, май месяц, не то даже апрель еще. Ночами заморозки случались, – припомнила Вера Игнатьевна. – А он в кровати лежал, Графыч-то!

Она сложила руки на груди, показав, как лежал в кровати Графыч: получалось, как в гробу.

– И тут вдруг среди ночи буря! – Руки народной сказительницы взлетели, заметались, взвихрили прозрачный осенний воздух.

Видать, буря была ого-го какая! Она мглою небо крыла, вихри снежные крутя.

– У Графыча на участке дерево упало да крышу задело и проломило! – Бабулин кулачок ударил по забору, доски скрипнули. – И, как на грех, аккурат над постелью лежачего деда! А буря же! И дождь полил, да со снегом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.